

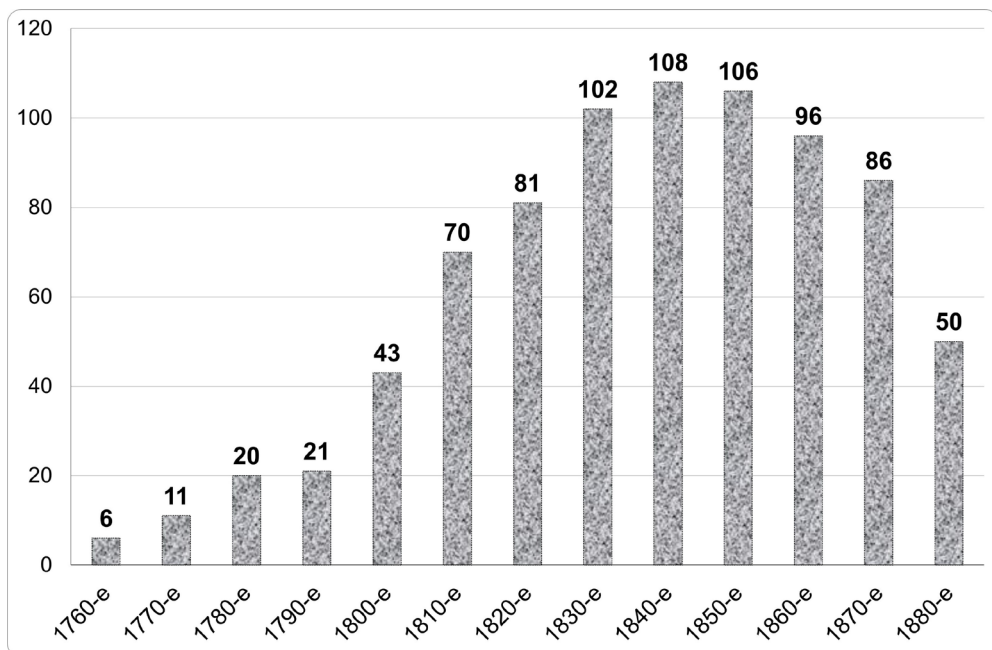

Рис. 2. Распределение прозаиков по годам рождения

но новым инструментом филологического и социолитературного анализа, дающим возможность учитывать обширный набор фундированных данных для решения конкретных историко-литературных и социологических задач.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-37-49

© О. В. МАКАРЕВИЧ

РЕДСТОКИЗМ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-х ГОДОВ*

Начиная с 1990-х годов проблема «православие и русская литература» весьма широко осмысливается в трудах филологов в самых разных аспектах.¹ Диапазон мнений достаточно широк и колеблется между категорическим неприятием христианского начала светской литературы² и панегирическим

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 24-18-00761, <https://rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН.

¹ См.: Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиографический указатель. 1800–2000. СПб., 2002.

² Ср., к примеру: «Ведет ли духовность русской литературы непременно к православию и даже вообще к христианству? Нет. Христианство в литературе <...> интуитивно, индивидуально <...>. В христианском смысле духовность русской литературы стоит на песке» (Грибов Н. [Письмо издателю] // Вече (Мюнхен). 1999. № 64. С. 343).

утверждением ее православных основ.³ При этом истолкование словесности в христианском аспекте предполагает многообразие методологических подходов и выстраиваемых моделей: искусство может интерпретироваться как форма религии, «новая форма чувствования, новый способ переживания жизни»;⁴ миссия художественного творчества может пониматься как сакральная, «посредническая» между земным и Божественным;⁵ литература может переосмысливать индивидуальный духовный опыт, обращаясь к житиям святых и трудам церковных деятелей; наконец, писатели могут использовать особенности языка и стиля церковной литературы для решения художественных задач.⁶ Сформулированными направлениями тема, конечно же, не исчерпывается. И нам хотелось бы обратить внимание на один из вопросов, как кажется, не привлекавший достаточного внимания исследователей. Речь пойдет о взаимоотношениях литературы и церкви в публичной сфере, об их возможном влиянии на общество.

Напомним, что Российская империя унаследовала зародившуюся еще в Византии концепцию симфонии властей, сформулированную Юстинианом I в 535 году. Согласно ей, церковная и светская власть (священство и царство) должны находиться в согласии (гармонии) и постоянном сотрудничестве (синергии), аналогично симфонии божественной и человеческой воли Христа. Иными словами, светская власть берет на себя защиту церкви, но в ответ церковь отказывается от самостоятельной политической деятельности. В ходе Великих реформ Александра II жизнь Православной церкви практически не изменилась: она по-прежнему содержалась из государственной казны, высшее и местное церковное управление подчинялось государственному контролю,⁷ даже реформа духовной цензуры так и не была осуществлена.⁸ Однако внутренние перемены в обществе нарастали, и в 1860-е годы зародилось «пастырское движение», обусловленное тем, что священникам приходилось брать на себя многочисленные дополнительные обязанности в социальной сфере: «В основе социально-пастырского движения <...> лежал целый ряд факторов: усиление интереса к моральным аспектам религии, связанное с влиянием ро-

³ «...Совокупность церковно-культурных традиций православия слишком глубоко вошла во все слои языка, словесного творчества, развивавшихся на русской почве. Секуляризация затронула их большею частью поверхностно, во всяком случае — очень неравномерно, в отличие от новоевропейских литератур. Решительного отрыва русской литературы от православия не было, при всем неизбежном ее обмирщении, при видимом даже преобладании с XVIII века лаических тем и задач» (Русская литература. 1995. № 1. С. 3). Впрочем, немаловажна и проблема различного восприятия христианских понятий и категорий, терминологической неопределенности (см.: Пантин В. Светская литература с позиции духовной критики (современные проблемы) // Христианство и русская литература. СПб., 1999. Сб. 3. С. 58; Любомудров А. М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 87–109).

⁴ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. 9.

⁵ Виролайнен М. Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007. С. 337.

⁶ См. подробнее, в частности: Балакишина Ю. В. Религия и литература: аспекты взаимодействия (на материале русской литературы XIX века) // Вестник Свято-Филаретовского ин-та. 2014. № 9. С. 56–80.

⁷ См., например: Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999; Никулин М. В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х годов). М., 2006; Олихов Д. В., прот. Эволюция и тенденции развития церковно-государственных отношений в России в дореволюционный период // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2019. № 1 (6). С. 113.

⁸ Подробнее об этом см.: Барсов Т. В. О духовной цензуре в России // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 691–719; № 6. С. 966–998; № 7. С. 110–130; № 8. С. 238–257; № 9. С. 390–404; Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России: В 2 т. Рязань, 2011. Т. 1. С. 27–38; Карпук Д. А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 210–250, и др.

мантизма, германского пиетизма и обращением к недавно переведенным трудам ряда Отцов Церкви; духовно-учебная реформа 1840-х годов, расширившая преподавание богословия в академиях и семинариях; резкое увеличение количества публикаций по церковным вопросам в 1860-е годы».⁹ Начиная с этого времени священники выполняют не только основную функцию — управление богослужения, но и ряд дополнительных обязанностей, от обучения крестьян грамоте до сотрудничества с учеными-этнографами.¹⁰ Однако можно ли говорить об активном присутствии духовного сословия в публичной сфере? Насколько вообще позиция церкви была слышна в обществе и в периодической печати? Какие социальные практики духовенства были актуальны для паствы? Вряд ли на эти вопросы можно дать исчерпывающий ответ в одной статье. Тем не менее мы попытаемся проанализировать их на примере примечательного казуса — визита в Россию во второй половине 1870-х годов английского протестантского проповедника лорда Редстока.

Напомним, что Гренвиль Огастес Вильям Вальдигрев, третий барон Редсток, впервые приехал в Россию в 1874 году, во время Великого поста, и был принят во многих аристократических домах столицы. Среди проявивших к нему интерес представителей дворянской знати Петербурга можно назвать гофмейстера двора барона М. М. Корфа, министра путей сообщения графа А. П. Бобринского, графиню Е. И. Шувалову, княжну М. М. Дондукову-Корсакову, княгиню Н. Ф. Ливен и ее сестру княгиню В. Ф. Гагарину, Е. И. Черткову, графиню Е. Д. Висконти и ее старшую сестру Ю. Д. Засецкую.¹¹ В частности, в доме последней Редсток познакомился с Н. С. Лесковым, Ф. М. Достоевским, Э. Vogüé, В. С. Соловьевым. Как неоднократно упоминалось, лорд не знал русского языка, проповедовал на английском и французском, а главной идеей его «учения» было безусловное «оправдание человека верою в искупительную смерть Иисуса Христа»,¹² т. е. искупление грехов не через

⁹ Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 36 (сер. «Historia Rossica»). О пастырском движении см. также: Флоровский Г. Пути русского богословия. Paris, 1981. С. 332–451; Freeze G. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 389–394, и др.

¹⁰ «Пастырская деятельность приходского духовенства стала сферой соприкосновения множества форм религиозной жизни, или „дискурсивных традиций“ в православии. Приходские священники служили основными представителями официальной церкви <...>. Они руководили религиозной жизнью своих прихожан <...>. Они также действовали как представители государства. <...> На пастырскую работу также повлиял интеллектуальный климат XIX века, породив в духовных академиях и семинариях заботу о социальной справедливости. Однако в силу ограниченных материальных и политических ресурсов приходское духовенство в своей пастырской деятельности зависело от помощи своих прихожан» (Скарборо Д. Социальное евангелие в России. Православное пастырское движение в условиях голода, войны и революции. Введение // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 171).

¹¹ Об истории редстокизма и пашковства см., в частности: Животов Н. Н. Церковный раскол Петербурга в связи с общероссийским расколом. СПб., 1891; Heier E. Religious schism in the Russian aristocracy 1860–1900: Radstockism and Pashkovism. Hague, 1970; Ливен С. Духовное пробуждение в России. Чикаго, 1986; Фаунтин Д. Лорд Редсток и духовное пробуждение в России. Минск, 2001; Пузынин А. Традиция евангельских христиан. Изучение самоидентификации и богословия от момента ее зарождения до наших дней. М., 2010; Никитин Ф. Н. 1) Движение пашковцев как феномен в религиозной жизни высшего петербургского общества второй половины XIX века // TERRA Incognita. 2019. № 3. С. 5–9; 2) Религиозная и социальная деятельность В. А. Пашкова в Петербурге // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 106–126, и др.

¹² Ср.: «Но лорд Редсток понял вот что — „он понял, что прощение грехов за добрые дела невозможно, что грехи только могут быть омыты святою кровию, а святая кровь уже пролита и омывает всякого чувствующего свою немощь и принимающего Христа как единого Спасителя и единого ходатая между Богом и человечеством“. Следовательно, все „принявшие Христа“ спасены и им не о чем за себя беспокоиться и плакать: сердце их должно быть полно радости всеовершенной» (цит. по: Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи:

раскаяние и добрые дела, но исключительно через искреннее религиозное чувство.¹³

В окружении Редстока оказалось немало литераторов, а его «проповеди» имели широкий общественный резонанс, потому и отклики в периодической печати появились довольно быстро. Первым о визите в русскую столицу «лорда-апостола» написал «Гражданин», в довольно карикатурной форме отразив это увлечение великосветского общества в статье «Новый апостол в петербургском большом свете». Она открывалась цитатами из «восклицаний» очарованных «новым учением» многодетных «православных матерей», к примеру: «„Вот такую религию я понимаю“, — говорит княгиня П. (православная мать троих детей) тому же лорду Редстоку: „любовь, только любовь, а не то что наши обедни да всенощные, на которых ничего не понимаешь“. „Дорогой милорд, научите меня, как я должна любить Христа, прошу вас; я люблю мужа своего без ума, я обожаю детей своих, и я тоже обожаю Христа: как мне все эти обожания согласить?“ — говорит княгиня Д. (православная мать четверых детей) тому же лорду Редстоку».¹⁴ Личность и идеи самого Редстока автор статьи практически не рассматривает, ограничиваясь лишь кратким описанием проводимых им «бесед» и отдельными ироничными репликами: «Он человек лет сорока; был он очень богат; в минуту религиозного настроения он все имение свое роздал бедным и посвятил себя миссионерству в большом свете, то есть лечению душ тоскующих и томящихся во мраке неведения Христа...»; «препочтенный и весьма привлекательный своею искренностью человек»; «вера эта в нем так горяча, что говорить о ней с другими составляет для него потребность души... И только».¹⁵

Причину восторженного «увлечения» петербургских дам «Гражданин» видит не в идеологии Редстока или в его личных талантах как проповедника, а в религиозном умонстроении *beau mond'a*: «...ясно станет тогда, что они увлеклись им, как увлекались Юмом-спиритом или иностранными Царственными гостями». Используя сравнение великосветских дам с «жителями Алеутских островов», автор статьи утверждает, что религиозный восторг спровоцирован «глубоким невежеством этого большого света в истине и учении нашей церкви». Лейтмотивом текста становится сопоставление Редстока с православными священниками: «Но затем, если бы на той же первой неделе Великого поста приехал, в третьем классе железной дороги, какой-нибудь смиренный, бедно одетый, но горячо верующий во Христа русский священник из какого-нибудь уездного захолустья и явился к одной из этих восторгающихся лордом Редстоком графинь и княгинь, с мыслию говорить ей о животворной силе православной церкви, и явился бы с тем же горячим словом, каким обладает лорд Редсток, думаете ли вы, что сумел бы он вызвать те же

Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. 3-е изд. СПб., 1877. С. 31).

¹³ Эти идеи Редстока, как известно, прозвучат в романе «Анна Каренина» (1875–1877). Неоднократно анализировавшийся диалог между графиней Лидией Ивановной («Трудиться для бога, трудами, постом спасать душу <...> это дикие понятия наших монахов...») и Карениным («Мы спасены Христом, пострадавшим за нас. Мы спасены верой...») (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 19. С. 314) явно отсылает к ключевому тезису редстоковских проповедей. Подробнее о знакомстве Толстого с редстокизмом и его отражении в романе см.: Долбилов М. Д. 1) «Анна Каренина» и 1876 год. От «утонченной восторженности» к «непосредственному чувству» // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование. М., 2020. С. 236–269; 2) Жизнь творимого романа: от авантекста к контексту «Анны Карениной». М., 2023. С. 435–468, 494–498 (Новое литературное обозрение. Науч. прил. Вып. 254); Knapp L. «Anna Karenina» and Others: Tolstoy's Labyrinth of Plots. Madison, 2016. P. 131–169, и др.

¹⁴ Н. [Мещерский В. П.]. Новый апостол в петербургском большом свете // Гражданин. 1874. 25 фев. № 8. С. 217.

¹⁵ Там же. С. 217, 218.

восторги, исторгнуть те же слезы? Не думаем: мы думаем даже, что этого смиренного, дурно одетого священника не допустили бы дальше передней, и дав ему 1 рубль на пропитание — отпустили бы его *с Богом!*». Завершалась статья призывом к православным священникам «всходить на кафедры и говорить <...> в обличение этого вторжения квакерства в недра нашего православного высшего общества, и говорить не раз, а сто раз...».¹⁶

Более того, В. П. Мещерский, будучи и автором статьи, и редактором «Гражданина», акцентирует внимание на этом сопоставлении, помещая следом «Письмо кстати», подписанное священником Брестского уезда Игнатием Пашкевичем, который благодарит редактора журнала за «слова, высказанные» в предшествующем номере «в защиту духовного сана». По мнению корреспондента, разрыв между высшим обществом и духовенством, «гордость, высокомерие, даже презрение этого общества к духовным» — «повседневное явление, которое вызывает поневоле грубость в самом трезвом субъекте».¹⁷

В двух следующих номерах «Гражданина» вопрос о «великосветской беспоповщине» продолжал активно обсуждаться: на страницах журнала были помещены «Первое письмо к г-ну N.» (подпись — «княгиня Д-я (мать пяти-рых детей)»), «Ответ на статью в № 8 „Новый апостол в петербургском большом свете“» (подпись — «Одна из слушательниц бесед»), редакционный «Ответ анониму»,¹⁸ «Опыт спокойного слова в заключение полемики о лорде Редстоке» Мещерского и письмо в редакцию, подписанное «Православный не из высшего общества». В них развиваются уже затронутые ранее темы, хотя акцент постепенно смещается на вопрос отпадения почитательниц приезжего лорда от истинной православной веры. Сами слушательницы полагают, что Редсток «нимало не старается приобрести прозелитов для какой-либо церкви. Он даже не затрагивает ничьих догматов. Тема его проповедей <...> что спасение души уже нам даровано смертью Иисуса Христа и что только одна вера может нам внушить истинные богоугодные дела, как выражение нашей любви и благодарности».¹⁹ Мещерский же, возражая анонимным корреспондентам, обращает внимание на «невежество» их в знании догматов и обрядов православной церкви: «...с предметами веры надо обращаться осторожно, келейно, во избежание толков, смущения и соблазна, в особенности в настоящее время, когда уже без того мы так склонны расшатывать все, что прежде стояло прочною основой общества...»²⁰ Более метафорично сформулировал эту мысль

¹⁶ Там же. С. 218, 219.

¹⁷ Гражданин. 1874. 25 фев. № 8. С. 219. В дальнейшем сопоставление заезжего протестантского проповедника и православного русского священника станет ключевым в четырехтомном романе Мещерского «Лорд-апостол в петербургском большом свете» (1875). Пламенную речь, разоблачающую заблуждения афериста и бонвивана Хитчика, произносит здесь отец Леонид: «Братья, тот из вас, кто станет проповедником легкого спасения и легкого прощения грехов, тот является еретиком, посланником лжехриста. Горе тому, кто покидает лоно своей родной Церкви и не внимает ее учению. Ему придется дать отчет в своей слепоте и в том, что он увел своих детей, своих слуг и всех других меньших братьев с пути истинного, для которых он, по сути, должен был служить примером» (Мещерский В. П. Лорд-апостол в большом петербургском свете: Повесть. СПб., 1876. Т. 3. С. 268–269). О «лорде-апостоле» в романе см. также: Карпачева Т. С. 1) Образ лорда Редстока в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и в романе В. П. Мещерского «Лорд-апостол в большом петербургском свете» // Достоевский и современность. 2016. Т. 30. С. 228–237; 2) «Высочил шутком на всю Европу»: особенности изображения лорда Редстока в творчестве Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и В. П. Мещерского // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2. № 3. С. 217–222.

¹⁸ Автором этой статьи был Ф. М. Достоевский, подробнее см. в примечаниях В. А. Викторича: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1990. Т. 30. Кн. 2. С. 80–82.

¹⁹ Одна из слушательниц бесед. Ответ на статью в № 8 «Новый апостол в петербургском большом свете» // Гражданин. 1874. 4 марта. № 9. С. 247.

²⁰ К. В. М. [Мещерский В. П.]. Опыт спокойного слова в заключение полемики о лорде Редстоке // Гражданин. 1874. 11 марта. № 10. С. 282.

Ф. М. Достоевский: «Это господин (Редсток. — О. М.), который объявляет, что несет нам „драгоценную жидкость“; но в то же время настаивает, что ее надо нести без стакана, и уж конечно желал бы стакан разбить. Формы он отвергает, даже молитвы сам сочиняет».²¹

Негативную оценку «Гражданина» поддержал на первых порах «Церковно-общественный вестник».²² Здесь были приведены два подробных описания «конференций» Редстока, из которых первая прошла в Петербурге и была посвящена «объяснениям» 53-й главы книги пророка Исайи, а вторая имела место несколько лет назад в Швейцарии, в Веве; а затем, как и в «Гражданине», было опубликовано письмо одной из почитательниц лорда и возражения на него. Авторы этих текстов обращают внимание прежде всего на догматические несоответствия между утверждениями «лорда-апостола» (протестантскими по сути) и православным вероучением. «Бессодержательная проповедь» Редстока рассматривается здесь как «набор мистических фраз», а «болезненно-фальшивое игранье <...> по образцу века апостольского» как «профанация святыни христианского учения».²³

Наконец, к дискуссии вокруг «учения» английского проповедника подключился журнал «Христианское чтение», издававшийся Санкт-Петербургской духовной академией. Богослов Н. И. Барсов дал оценку этому «интересному движению религиозного свойства»,²⁴ исходя не только из представленных ранее в печати свидетельств, но и с точки зрения церковной истории. По его мнению, увлечение идеями Редстока вполне может быть сопоставлено с аналогичной ситуацией начала XIX столетия, когда «слово графа де Мэстра, пастора Госнера, Фесслера, Паккингтона и Пиккертона», а также иезуита Сойяра «одерживало верх над всеми усилиями не только рядовых приходских священников, но и самой русской иерархии».²⁵ Хотя Барсов и отметил, что это увлечение — «одно из проявлений всегдашней характеристической особенности женского темперамента — избыток религиозного чувства и религиозного порыва при недостаточной ясности религиозного понимания»,²⁶ он (как и князь Мещерский) увидел в нем свидетельство «присущей <...> обществу религиозной потребности, слабо, должно быть, удовлетворяемой нашими наличными ресурсами пастырской практики».²⁷ Подробно анализируя эти «религиозные потребности» и «современное состояние общества», он фактически писал не о Редстоке, а о пастырских задачах церкви в нынешнее время: «...оживить религиозные интересы в обществе, возбудить и укрепить в народе сознательную и разумную преданность отечественной Церкви, провести христианские принципы в жизнь и в нравы верующих, ассимилировать их во всех отправлениях этой жизни...».²⁸ Все три издания предлагали, по сути, единственную меру — «устроить ежегодно, в Великом посту, публичные чтения по предметам из области наук церковных».²⁹

²¹ [Достоевский Ф. М.]. Ответ анониму // Гражданин. 1874. 4 марта. № 9. С. 248.

²² Лорд Радстон <так> // Церковно-общественный вестник. 1874. 10 марта. № 30. С. 2–3; По поводу проповедничества лорда Радстока // Там же. 13 марта. № 31. С. 1–2; Заруцкий К. А. 1) Одна из конференций лорда Радстока в Веве (в Швейцарии). Письмо к редактору // Там же. 29 марта. № 38. С. 6–8; 2) По поводу письма г-жи А. К. о лорде Редстоке // Там же. 24 апр. № 48. С. 6; 10 мая. № 55. С. 7–8; А. К. Письмо в редакцию // Там же. 24 апр. № 48. С. 5–6.

²³ Заруцкий К. А. Одна из конференций лорда Радстока в Веве (в Швейцарии). С. 6–7.

²⁴ Христианское чтение. 1874. № 5. С. 116 (разд. «Внутреннее обозрение»; подпись: Н. Б.). Отметим, что до 1880 года это фактически единственный случай появления на страницах периодики высказываний церковных лиц о редстокизме.

²⁵ Там же. С. 120.

²⁶ Там же. С. 122.

²⁷ Там же. С. 123.

²⁸ Там же. С. 131.

²⁹ Там же. С. 123; курсив наш. — О. М.

Дальнейшие обсуждения разворачивались в заданном ключе. Обратим внимание лишь на публикацию «Современности»,³⁰ перепечатанную в нескольких епархиальных ведомостях: «Один из петербургских священников, пользующийся вполне заслуженным уважением своих прихожан, недавно был в одном аристократическом семействе. Зашла речь о прославившемся в Петербурге англиканском проповеднике Редстоке, о его манерах, жестах и проч. Увлечшись речью о Редстоке, мать этого семейства сказала своему собеседнику-священнику между прочим следующее: „Вот когда (от Редстока) мы, батюшка, узнали истинную христианскую религию: мы поведем своих детей слушать Редстока“. Когда же собеседник заметил ей, что истинность христианской религии выражается не в театральных манерах и сценических жестах проповедника, а в сущности самой проповеди, и при этом спросил ее, отчего аристократы не приглашают к себе в дом для религиозных бесед православных священников, то аристократка ответила следующими краткими, но довольно характерными словами: „Ах, *ряса, ряса!*..“».³¹ «Прискорбное действие одежды», — заключал автор заметки, сетуя на отсутствие общественного авторитета у духовного сословия.

Следующий виток газетных дискуссий пришелся на 1876–1877 годы и был спровоцирован очередным приездом лорда Редстока в Россию. Тон газетной полемики был вновь задан «Гражданином», который на этот раз представил «великосветских раскольников» еще более экзальтированными: «Опять начались собрания у разных дам большого света; опять иные стали кидаться в подушки диванов и, задыхаясь там, искать в них наития Христова Духа; опять другие стали бить себя в грудь и восклицать: осанна! опять пошли в ход евангелия и апокалипсисы, опять стали литься слезы умиления...».³² При этом популярность темы достигла таких масштабов, что «Гражданин» процитировал даже «Модный магазин».³³ Мещерский продолжал развивать тему отчужденности высшего света от православной церкви: «А между тем, спросите у этих <...> поклонниц лорда-апостола: бывают ли они в собраниях общества своего прихода, знают ли они о сотнях людей, умирающих под боком у них от голода <...> — они вам ответят: *quel приход, quel братство?* <...> они даже в своей приходской церкви не бывают: *fi donc*, там грязно; там бывать — *c'est mauvais genre* (это дурной тон. — *фр.*); они изволят ездить только в домовые церкви, где Бог является им более нарядно, а священник более элегантно...».³⁴

Столь же экспрессивной была передовая статья «Голоса» «Проповеди лорда Редстока в России». Сетуя на молчание периодической печати о массовом увлечении «учением» нового «лже-апостола», газета давала емкую характеристику ему самому: «...если б лорд избрал сценическое поприще для приложения своих сил к деятельности, из него мог бы выйти недурной актер на ампула так называемых „резонеров“ и „благородных отцов“ <...> и в общем Редсток смахивает на трагического актера дурной школы». Но причину его популярности анонимный автор, как и Барсов и Мещерский двумя годами ранее, видел не в глубине высказываемых идей или личности английского проповедника, а в духовном состоянии «стада», которое ни при каких обстоятельствах не приняло бы в своем «раззолоченном салоне <...> православного

³⁰ Современность. 1874. 31 марта. № 26. С. 2–3 (разд. «Петербургская летопись»).

³¹ Цит. по: Полоцкие епархиальные ведомости (неофиц. отд.). 1874. 1 мая. № 9. С. 347–348.

³² Гражданин. 1876. 21 марта. № 12. С. 312 (разд. «Петербургская летопись»).

³³ Модный магазин. 1876. 1 апр. № 14. С. 109.

³⁴ Гражданин. 1876. 21 марта. № 12. С. 312. Перепечатано также в «Новом времени» (1876. 23 марта. № 24. С. 2).

пастыря», «скромного и серьезного русского проповедника». ³⁵ «Конференции» Редстока «с их мистической, фантастической подкладкой» сопоставлялись с «гашишем, переносящим человека в мир волшебства и сказок и <...> действующим разрушительно на организм». Далее газета, ссылаясь на работы невропатологов Дж. М. Бирда и В. А. Манассеина, пыталась подвести «научную основу», объясняющую восторги последователей Редстока: «Ключ к этой странной <...> загадке дает, прежде всего, то, что ученые называют „заразительностью транса“, „психической заразой“». ³⁶ Наконец, предлагался ряд разнообразных мер, какие могли бы помочь в борьбе с ней: высылка проповедника и его последователей из страны (впрочем, автор статьи честно оговаривался, что не считает это эффективным и необходимым); «хладнокровное презрение» и молчание, которого «до сих пор держалась и наша администрация», печатное слово и, наконец, «устройство публичных поучений при участии лучших проповедников и законоучителей»: «В то время, когда французская проповедь лорда еще раздается в русской столице, пусть те представители нашего родовитого барства <...> устроят в своих палатах публичные проповеди слова Божия по уставу господствующей у нас церкви». ³⁷ По сути, газета развивала идею о сходстве редстокизма со спиритизмом и другими мистическими движениями. ³⁸

Возражать гонителям Редстока, «разбивать напускную религиозную ревность» ³⁹ и «фарисейство» «Гражданина» взялся И. С. Беллюстин, красноречиво назвавший свою статью «Алчущие и жаждущие». ⁴⁰ Статья открывалась двумя цитатами — приведенной выше филиппикой из «Гражданина» и сообщением «Санкт-Петербургских ведомостей» (1876. № 70) о распространении скопческой ереси. ⁴¹ Поэтому автора прежде всего интересовал вопрос, «да откуда же идет все это зло», «кто сумел так удачно подготовить православную почву, что на ней чересчур уж легко воспринимается, укореняется и разрастается всякое quasi-религиозное зелье?...». С его точки зрения, причина заключалась в незнании русскими священниками своей паствы, в их если не враждебности, то взаимном отчуждении. Кроме того, пастырское наставление затруднялось незнанием и самими священниками «внутреннего значения таинств» и православных обрядов. Как следствие, Беллюстин говорил о необходимости коренных преобразований многовековых устоев русской церкви: «Все, и с самой основы, должно быть преобразовано в пастырском служении, чтобы религиозная потребность общества удовлетворялась пра-

³⁵ Голос. 1876. 27 апр. (9 мая). № 116. С. 1.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 2.

³⁸ См. об этом: Быков В. П. Спиритизм перед судом науки, общества и религии: Лекции-беседы. М., 1914. С. 153; Раздьяконов В. Знаки иного мира. Русское спиритуалистическое движение второй половины XIX — начала XX века. М., 2024. С. 92 (сер. «Studia religiosa»).

³⁹ Выражение редакции «Нового времени», подробно пересказавшей статью в разделе «Среди газет и журналов» (1876. 15 апр. № 45. С. 2).

⁴⁰ Церковно-общественный вестник. 1876. 14 апр. № 40. С. 3–5. О полемике «Гражданина» и «Церковно-общественного вестника» в 1876 году см. также: Терлецкий В. Н. Секта пашковцев. СПб., 1891. С. 21–25.

⁴¹ Там же. С. 3. Продолжая это сопоставление (его высказал ранее Мещерский еще в статье «Новый апостол в петербургском большом свете»), Беллюстин говорил о нравственном превосходстве «народных» верований над «барскими измышлениями»: «Правда, на стороне „пророка“ есть как будто некоторое преимущество: его последователи <...> обязаны проводить строго воздержную жизнь — не пить вина и водки, не употреблять в пищу мяса, гнушаться блуда и т. п.; тогда как экзальтируемые „апостолами“, по-видимому, ни к каким нравственным подвигам не обязываются» (Там же). Позднее мысль о нравственном превосходстве штундизма, скопчества и других «народных» верований над «барскими измышлениями» будет неоднократно переосмыслена Лесковым не только в «Великосветском расколе», но и повести «На краю света», рассказе «Два свинопаса» и других произведениях.

вильно и влияла на его нравственное развитие, — лишь при этом, и только при этом условии сделаются невозможными самозванные „пророки и апостолы“ — в коже ли изящных джентльменов или заскорузлой мужиковины». ⁴² Таким образом, он переакцентировал осмысление редстокизма, заговорив не только о неприятии высшим светом русского духовенства, но и о проблемах в устройстве православной церкви.

Наконец, в 1876 году вышел в свет очерк Н. С. Лескова «Великосветский раскол» («Православное обозрение». № 9, 10). ⁴³ Хотя писатель был близко знаком со многими последователями Редстока и Пашкова, ⁴⁴ его очерк во многом строился на апелляциях к тем темам, которые ранее уже были подняты в периодической печати. Лесков писал о том, что у «прилипчивого лорда» «есть все, чтобы быть самым неувлекательным проповедником», что его молитва — «в роде русского кустарного производства», «это не спокойное возношение преданной и смиренно любящей души, а это лепет страстного экстаза души влюбленной», что его «успех <...> в русском „свете“ был подготовлен и обеспечен *духом времени*, создавшим людей подходящего ему типа», что этот успех «сначала должно объяснять тем, что он *лорд*», что он «положительнейшим образом принес пользу многим русским светским женщинам», которым и обязан своим успехом, и т. п. ⁴⁵ Тем не менее главным достоинством английского проповедника Лесков считал «способность „перекладывать бар“»: «Есть нечто дивное в том, что успевает делать Редсток с теми во всех отношениях скудными средствами, с какими, кажется, ничего бы нельзя сделать, а тем более повлиять на холодные, себялюбивые натуры людей с лоснящейся кожей и гнать их в норы и трущобы, где страдает и гибнет злополучная нищета». ⁴⁶ Таким образом, писатель был первым, кто заговорил не только о салонно-проповеднической деятельности «лорда-апостола» и о причинах «великосветского раскола», но о его благотворительных инициативах (в частности, рассказал, хоть и в весьма юмористическом ключе, о бесплатной раздаче им Евангелия).

⁴² Там же. С. 5. С этой мыслью Беллюстина перекликается и известная запись Достоевского в «Дневнике писателя» за март 1876 года: «...тут плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего — слабое, ничтожное понятие о православии» (цит. по: *Достоевский Ф. М. Дневник писателя*: В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 318). Далее идея о разобщении с «фактической религиозной почвой» была развита в ряде статей в епархиальных ведомостях; ср., к примеру: «Нам кажется, что увлечение такими фантазерами, каков лорд Редсток, зависит от недостатка национальных чувств, от отсутствия национального религиозного воспитания. <...> Ибо мало самому быть благочестивым, чувствовать и уважать потребность религиозного чувства, мало, для того чтобы уразуметь православную церковь и полюбить эту церковь как свою родную. Для этого надо жить народною жизнью, надо молиться заодно с народом, в одном церковном собрании, чувствовать одно с народом биение сердца, проникнутого единым торжеством, единым словом <...> Истинно русский человек никогда не пойдет <...> на молитву к какому-то лорду Редстоку» (Заметки из жизни церковно-религиозной, отечественной и иностранной // Кишиневские епархиальные ведомости. 1876. 1–15 июня. № 11. С. 385, 387).

⁴³ Этот очерк Лескова, как и другие его статьи, так или иначе затрагивающие тему редстокизма и пашковства, неоднократно анализировался в научной литературе, поэтому мы не будем повторно рассматривать противоречивую и неоднозначную позицию писателя. Подробнее см., например: *Ильинская Т. Б.* Русское разноречие в творчестве Н. С. Лескова. СПб., 2010. С. 185–220; *Ипатова С. А.* 1) Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: Спор о редстокизме (Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16. С. 409–436; 2) Н. С. Лесков о лорде Редстоке, его вероучении и «великосветском расколе» // Пушкинские чтения. 2015. № XX. С. 73–83, и др.

⁴⁴ Граф Василий Александрович Пашков был одним из наиболее активных последователей Редстока и возглавил религиозное движение после отъезда английского проповедника из Петербурга. См. о нем: *Никитин Ф. Н.* 1) В. А. Пашков (1831–1902): жизнь и служение. Корнталь, 2020; 2) Религиозная и социальная деятельность В. А. Пашкова в Петербурге. С. 106–126.

⁴⁵ Лесков Н. С. Великосветский раскол. С. 50, 113, 62, 83, 76, 163, 160.

⁴⁶ Там же. С. 47, 107.

Дальнейшие обсуждения редстокизма проходили в более спокойном и «благонамеренном» духе. Очередной виток дискуссий был спровоцирован статьей «Религиозные кружки в Петербурге», опубликованной в «Русском мире» в 1878 году под инициалами Н. Е. В первой части, сообщая об очередном приезде Редстока в столицу, автор так характеризовал его деятельность: «Какая же цель этих проповедей? Цель несомненно хорошая и возвышенная: лорд-проповедник убеждает своих слушателей и слушательниц бросить пустые удовольствия и себялюбивые заботы света и всецело посвятить свою жизнь Христу в лице меньшей братии Его, т. е. больных, бедных и преступников. Нужно сказать правду, что многолетние труды англичанина не остались у нас без плода». ⁴⁷ Далее он признавал заслуги редстокистов в области благотворительности: «Многие великосветские люди, под влиянием лорда Редстока, посещают раненых, больных, помогают бедным и занимаются обращением на путь истины содержащихся в тюрьмах и частях арестантов. На Васильевском острове устроено даже особое „убежище для выпущенных из тюрьмы женщин“. В этом убежище несчастные, погибшие существа, отверженные обществом, не только находят приют и пропитание, но их обучают там грамоте, рукодельям и ремеслам. Кроме того, за ними тщательный и истинно христианский уход; так что по выходе из убежища бывшие преступницы становятся снова членами общества». ⁴⁸ Вторая часть статьи представляла собой обзор различных «религиозных кружков» Петербурга — речь шла о русской лютеранской и католическо-апостольской общинах, гернгутерах, баптистах, клетериканах, субботниках, а также «еврейском кружке» «дети Иеремии».

Эта публикация привлекла немало внимания: она была подробно пересказана «Новым временем» (21 янв. (2 фев.). № 682; рубрика «Среди газет и журналов»), «Современностью» (24 янв. № 9) ⁴⁹ и «Петербургским листком». Редактор последнего А. А. Соколов также акцентировал внимание не на отступлении Редстока от канонического православия и не на экзальтированной религиозности, а на общественных инициативах его последователей: «Но так как лорд Редсток <...> проповедует отступничество от пустых удовольствий и себялюбивых забот и обращает на путь служения больным, бедным и преступным, то нет особенной надобности и толковать о прекращении сего учения. Сокращения здесь нет никаких, лжеучения тоже...». ⁵⁰

Наконец, подробный отклик на статью «Русского мира» опубликовал в «Церковно-общественном вестнике», в одной из заметок цикла «Чудеса и знамения», Лесков. Он вновь вернулся к противопоставлению Редстока и православного священства, уже вроде бы сошедшему со страниц периоди-

⁴⁷ Н. Е. Религиозные кружки в Петербурге // Русский мир. 1878. 20 янв. (1 фев.). № 18. С. 1.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Хотя эта газета не считала необходимым сопроводить пересказ статьи «Русского мира» каким-либо комментарием, немного позднее здесь была помещена передовая статья, развивавшая прежде уже неоднократно затрагивавшиеся темы — бездействия духовенства и жажды религиозного обновления в обществе: «Что же предпринимает <...> столичное православное духовенство, украшенное учеными богословскими степенями и разными знаками почетных наград „за усердную и полезную службу“?.. Большинство совершает таинства, отправляет разные приходские требы, говорит так называемые *очередные* проповеди, дает <...> уроки в учебных заведениях и частных домах — и *только!* <...> Надо полагать, что современные религиозные движения не в одном Петербурге <...> служат предвестниками особого *религиозно-практического* направления, которое рано или поздно должно будет развиться в России в виде реакции той внешности, которая, благодаря непотизму нашего духовенства, становится преобладающею в нашей церковной жизни» (Современность. 1878. 28 янв. № 11. С. 1).

⁵⁰ Соколов А. А. Наше житье-бытье // Петербургский листок. 1878. 26 янв. (7 фев.). № 19. С. 1. Добавим также, что на статью откликнулся и «Голос», поместив письмо «члена прихода евангелическо-лютеранской церкви св. Марии», отстаивавшего доброе имя и честь возглавляющего этот приход пастора Мазинга (см.: Голос. 1878. 29 янв. № 29. С. 3).

ки: «Так, например, не успел начаться этот год, как „Русский мир“ <...> напечатал о каком-то сильном религиозном движении, не в духе православия. Несмотря на то, что об этом нигде официально не было заявлено, газета пустилась прямо указывать на несколько „малых стад“, совсем отбившихся от общего великого стада и блуждающих здесь же, посреди нас, на наших же родных пажитях. Если бы поверить „Русскому миру“ больше, чем официальным источникам, то мы как будто совсем опутаны самыми разнообразными ересями и соблазнами».⁵¹ Затем писатель представил краткое резюме статьи «Русского мира», добавив несколько фактических уточнений, и пришел к многократно звучавшему ранее в периодике выводу о том, что такое «религиозное возбуждение» народа связано с духовным «пробуждением», которому не отвечает пассивность православных пастырей: «Ужасно все это хлопотливо для наших духовных отцов, особенно в такое молитвенное время! <...> Но что они будут теперь с этим явлением делать? По-видимому, им прежде всего и больше всего хотелось бы „насыпать соли на хвост“ господам пасторам... Это средство домашнее и хорошее, но у тех птиц хвост короток, так что не зная, как за него ухватиться. Остается другое средство: отряпши сон с очей своих, самим делать то самое, что делают досаждающие им пасторы».⁵² Кроме того, ссылаясь на Стерна, Лесков уверяет читателей, что «религия дело очень веселое и приятное и что те, которые, желая ее возвеличить, толкуют о ней, наморщивши чело и принасунив брови, оказывают ей самую плохую услугу»⁵³ (к какой из двух описываемых сторон стоит отнести этот тезис, читателю остается решить самому). Впрочем, предложенная здесь характеристика Редстока также весьма юмористична: «По-моему, если его надо как-нибудь определить и называть, то для этого самое лучшее присвоить ему название, изобретенное одним из остроумных петербургских священников. Этот священник сказал как-то, что „Редсток вовсе не *протестант*, а просто *текстант*“. По-моему, это очень верно, и если бы тут от меня что-нибудь зависело, то я, кажется, даже решился бы предложить такое название не столько для лорда, которому это все равно, но и для его русских последователей, которые совсем не бросили православия, а сделались только *текстантами православного исповедания*. *Текстант* им, конечно, будет более нравиться, потому что это все-таки что-то порядочное, между тем как *раскольник*, c'est quelque chose de moujik (это в мужицком духе. — *фр.*)».⁵⁴

Тем не менее в периодике 1878–1879 годов акцент делается именно на благотворительной деятельности Редстока. Приведем ряд примеров. Так, одна из заметок «Нового времени» посвящена конфликту двух групп «великосветских дам», «делателей» и «веровальщиков». После очередного воскресного собрания пашковцев его последователи отправились раздавать брошюры христианского содержания.⁵⁵ Но, выйдя на улицу, «веровальщики» столкнулись

⁵¹ Церковно-общественный вестник. 1878. 5 марта. № 28. С. 5.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. 2 апр. № 40. С. 4.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ В 1876 году по инициативе Пашкова было создано Общество поощрения духовно-нравственного чтения, которое возглавил М. М. Корф. Целью общества было издание и распространение самой дешевой, максимально доступной для крестьян христианской литературы. Как правило, эти брошюры не встречали цензурных препятствий и даже получили разрешение от самого К. П. Победоносцева (см. об этом: *Коррадо Ш.* Философия служения полковника Пашкова. СПб., 2005. С. 82). Периодическая печать, однако, давала им отнюдь не лестные оценки: «К числу внутренних особенностей издания принадлежит то, что в немногих брошюрках мысли излагаются <...> не в дидактической форме, но в форме повествовательной и разговорной. Только, разумеется, вы не найдете в них и тени того искусства в употреблении этих форм, какое встречается у духовных писателей мастеровитых и опытных»; «Нравственное учение их совершенно односторонне и противно слову Божию, которое веру без добрых дел называет мертвою» (Современность.

с «делателями», которые решили воспользоваться их же оружием, т. е. тоже распространять аналогичные брошюры. «Интересно, однако, что противодействие великосветской проповеди об оправдании верою, говорят, руководимо какою-то женщиною, энергически ополчившеюся против друзей отлучившегося Редстока. Quand le chat est absent, les souris dansent (кот из дома — мыши в пляс. — *фр.*)», — заключает автор заметки.⁵⁶ Еще более показательным был текст новости о (впоследствии не подтвердившемся) обнаружении в Петербурге чумы. Он начинался с абсурдного сопоставления двух предложенных средств избавления от болезни — привезти святые мощи или вызвать в Петербург из Стокгольма Редстока — и продолжался сравнением самого «лорда-апостола» и его великосветских почитателей: «Мы даже желали бы, чтобы он купил в Петербурге дом и получил все права быть гласным нашей думы. Он, говорят, хороший знаток санитарных условий, которые доведены до совершенства в известных ему приютах лондонских бездомовников. В этом случае лорд, конечно, мог бы оказать немалую услугу оздоровлению злополучных учреждений и „затонов“, куда его русские последователи болтаются в каретах, чтобы пословесничать, надеясь этим усвоить себе заслуги крови Того, Который „*ходил благотворя*“».⁵⁷

Хотя «кипучая энергия, одушевляющая проповедник», не ослабевает, в 1880 году в теме редстокизма и пашковства дискурс неожиданно меняется, и на первый план в статьях выходят вопросы догматического характера. Описание молитвенных собраний на Гагаринской набережной в доме Пашкова публикует «Церковный вестник», с точки зрения которого «беседы <...> далеко не отличаются православно-христианским характером». В статье отмечаются отсутствие икон в помещении, предназначенном для молитвы, пение «стихов» под орган вместо самих молитв, наконец, особое протестантское учение о спасении, которого «не нужно заслуживать» и для которого достаточно лишь решительности «пойти к Отцу», подобно блудному сыну.⁵⁸

Далее последовала публикация переписки, где, в частности, протоиерей Иоанн Янышев предложил Пашкову самостоятельно изложить свои взгляды.

1878. 10 авг. № 89. С. 1; перепечатано: Московские епархиальные ведомости. 1878. 29 окт. № 44. С. 389). Впрочем, тот же Лесков проявлял по отношению к этим изданиям гораздо больше лояльности: «Простолюдину что ни почитать „от божества“ — все хорошо, — ему даже иногда чем непонятнее, тем интереснее. Это такой фокус в русской набожности, которого чужому человеку не понять» (Новое время. 1879. 12 (24) апр. № 1119. С. 3). Об изданиях Общества см. также: Jones M. V. A Note on Mr J. G. Blissmer and the Society for the Encouragement of Spiritual and Ethical Reading // The Slavonic and East European Review. 1975. Vol. 53. № 130. P. 92–96.

⁵⁶ Новое время. 1879. 12 (24) апр. № 1119. С. 3 (разд. «Листок»).

⁵⁷ Новое время. 1879. 16 (28) фев. № 1066. С. 2. Аналогичное сопоставление деятельности Редстока и его последователей проводится и в заметке «Турки под Петербургом», где речь идет о содержании пленных: «Наши же апостольческие кавалеры и дамы, в начале войны взъездившиеся рассылать евангелия, присланные в Петербург Лондонским библейским обществом, вероятно, охладели уже к этим заботам. Видно и лорд Редсток ненадолго их разогревает... А чего бы кажется: Стрельна так близко от Петербурга; дорога туда — скатертью и свобода проповедного слова самая необъятная, и притом с совершенно особенным удобством, так как содержимые *без дел* пленники только и могут искать спасения в *вере*, а не в *делах*. И этакой-то случай упускается!!» (Лесков Н. С. Турки под Петербургом // Церковно-общественный вестник. 1878. 17 марта. № 33. С. 4). Схожесть стилистических приемов и высказанных оценок позволяет поставить вопрос о том, что автором двух выше названных заметок в «Новом времени» также мог быть Лесков. О его сотрудничестве в «Новом времени» и проблеме атрибуции текстов см.: Лесков в суворинском «Новом времени» (1876–1880) / Вступ. статья, публ. и комм. О. Е. Майоровой // Лит. наследство. 2000. Т. 101: В 2 кн. Кн. 2. С. 161–203.

⁵⁸ Попов В. Воскресные беседы г. Пашкова (письмо в редакцию) // Церковный вестник. 1880. 8 марта. № 10. Часть неофиц. С. 12–13. См. также: Игнатъев Р. С. Пашковцы-баптисты в Петербурге // Исторический вестник. 1909. № 4. С. 184–192; Никитин Ф. Н. Переписка В. А. Пашкова с протоиереем И. Л. Янышевым // Богомыслие. 2018. № 23. С. 120–145.

Последователь Редстока изящно отклонил это предложение: «Богословских познаний я не имею никаких <...>; а потому, зная, что я легко могу ошибаться, касаясь толкования подобных (теологических. — О. М.) вопросов, я всячески старался избегать их в беседах своих; точно так же я намерен и впредь не вступать ни в какие о них прения, <...> довольствуясь тем исключительным призванием, которое имею от Бога: призывать людей ко Спасителю».⁵⁹

В то же время в полемику с пашковством вступает и другое лицо, наделенное официальной властью, — святитель Феофан Затворник, крайне негативно, но весьма обстоятельно возражавший редстокистам с точки зрения православного богословия. В его глазах Пашков «есть злейший молоканин и хлыст, у которого — ни Церкви, ни таинств, ни священства, ни молитвословий — ничего нет. Кайся, веруй в Господа и живи добре — и все тут. Прочее все — побоку».⁶⁰

Впрочем, Редсток в Россию после 1878 года не возвращался, а Пашков будет выслан в 1884-м. Тем не менее тема не будет закрыта — десятилетие спустя, в 1893 году, «Церковные ведомости» сообщат об устройстве «собеседований с пашковцами» в зале Педагогического музея.⁶¹

Таким образом, редстокизм оказался своего рода лакмусовой бумажкой для русского общества. Редсток не был единственным европейским проповедником, приезжавшим в эти годы в Россию,⁶² но именно его появление вызвало громкий общественный резонанс. На первом этапе статьи о Редстоке и «великосветском расколе» стали поводом заговорить о состоянии православной церкви в периодической печати, затронуть темы пастырской деятельности, отношения к священнослужителям, вовлеченности православных в приходскую жизнь и т. п. Одновременно Редсток (напомним, не знавший русского) «услышал» рассуждения журналистов и принялся активно претворять в жизнь те начала, которых общество ожидало от русских пастырей. По его инициативе почитательницы занялись благотворительностью, включившись в социальные проекты (организовывали фонды помощи бедным, посещали больницы и тюрьмы, издавали дешевые брошюры христианского содержания и т. д.), что было положительно оценено, как минимум, периодическими изданиями. Официальная церковь осталась в стороне от споров, не произошло никаких изменений ни в ее проповеднической, ни в социальной деятельности, а в дискуссиях на страницах газет и журналов ее голос до 1880 года не был слышен. Да и позднее она ограничилась лишь осуждением «отступлений от истин православной веры». Так насколько же церковь как социальный институт присутствовала в публичной сфере в 1870-е годы? Как кажется, ее участие было минимальным — она продолжала жить по давно установленным правилам, не принимая и не допуская никаких изменений, время для которых придет позднее, уже в начале XX века.

⁵⁹ Сущность учения г. Пашкова, изложенная им самим (переписка г. Пашкова с о. протоиереем И. Янышевым) // Церковный вестник. 1880. 10 мая. № 19. Часть неофиц. С. 4.

⁶⁰ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собр. писем. М., 2000. Т. 1. Вып. II. С. 22 (письмо 220 от 24 августа 1881 года). Подробнее об этом см.: Каширина В. В. «Великосветский раскол» в оценке русских светских и духовных писателей XIX века // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2015. № 7 (152). С. 57–62.

⁶¹ Церковные ведомости. Прибавления. 1893. 13 марта. № 11. С. 443–446.

⁶² К примеру, в 1877 году «Современные известия» (№ 61) рассказывали о визите в Петербург пастора Штротмайера, который «приобрел популярность не меньшую, чем Редсток» (Панов Г. Сектаторские движения в России // Тульские епархиальные ведомости. 1877. 1 апр. № 7. С. 231–232). Манера проведения им молитвенных собраний во многом напоминала «конференции» английского лорда: тихая, проникновенная речь, домашние беседы, житейские, бытовые сопоставления в трактовке Евангелия и т. п. Однако никакой популярности в обществе он не приобрел.

41. *Shart'e R.* Pis'mennaia kul'tura i obshchestvo / [Per. s fr. i posleslovie I. K. Staf]. M., 2006.
42. *Stoun Dzh.* Instituty russkogo modernizma: kontseptualizatsiia, izdanie i chtenie simvolizma. M., 2022.
43. Tsifrovye gumanitarnye issledovaniia. Krasnoiarsk, 2023.
44. *Tynianov Iu. N.* Poetika. Istoriia literatury. Kino. M., 1977.
45. *Vdovin A. V., Zubkov K. Iu.* «Ne literatura sama po sebe, a ee sotsial'noe bytovanie»: instituty literatury v Rossiiskoi imperii // Instituty literatury v Rossiiskoi imperii: Kollektivnaia monografiia / Otv. red. A. V. Vdovin, K. Iu. Zubkov. M., 2023.
46. *Zhivov V. M.* Moskovsko-tartuskaia semiotika: ee dostizheniia i ee ogranicheniia // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 98.

Ольга Владимировна Макаревич

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Vladimirovna Makarevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0244-5797

philologolga@gmail.com

**РЕДСТОКИЗМ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-х ГОДОВ**

**RADSTOCKISM IN THE PERIODICALS
OF THE SECOND HALF OF THE 1870s**

Статья посвящена дискуссиям, развернувшимся в периодической печати в связи с визитами в Россию лорда Редстока и распространением его идей. Авторы статей не только давали оценку его «учению», но и затрагивали вопросы, касающиеся жизни современной православной церкви, ее пастырской деятельности, вовлеченности народа в приходскую жизнь и т. д. Особое внимание уделено благотворительным инициативам, которых общество ожидало от церкви, но которые реализовывались при поддержке последователей «великосветского раскола».

Ключевые слова: литература и церковь, периодическая печать, редстокизм, пашковство, периодическая печать.

The article analyses the discussions that unfolded in the periodicals in connection with Lord Radstock's visits to Russia and the propagation of his ideas. Apart from assessing his «teachings», the contributors touched upon various issues related to the life of the modern Russian Orthodox Church, its pastoral activities, the involvement of the congregation in parish life, etc. The article offers detailed analysis of the charitable undertakings that the society expected from the Church, that were implemented though with the support of the female followers of the «high-society schism».

Key words: literature and church, periodicals, Radstockism, Pashkovism, periodical press.

Список литературы

1. *Балакишина Ю. В.* Религия и литература: аспекты взаимодействия (на материале русской литературы XIX века) // Вестник Свято-Филаретовского ин-та. 2014. № 9.
2. *Виротайнен М. Н.* Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007.
3. *Грибов Н.* [Письмо издателям] // Вече (Мюнхен). 1999. № 64.
4. *Долбилов М. Д.* «Анна Каренина» и 1876 год. От «утонченной восторженности» к «непосредственному чувству» // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование. М., 2020.

5. Долбилов М. Д. Жизнь творимого романа: от авантекста к контексту «Анны Карениной». М., 2023 (Новое литературное обозрение. Науч. прил. Вып. 254).
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: В 2 т. М., 2011. Т. 1.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1990. Т. 30. Кн. 2.
8. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996.
9. Ильинская Т. Б. Русское разноеверие в творчестве Н. С. Лескова. СПб., 2010.
10. Ипатов С. А. Достоевский, Лесков и Ю. Д. Засецкая: Спор о редстокизме (Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16.
11. Ипатов С. А. Н. С. Лесков о лорде Редстоке, его вероучении и «великосветском расколе» // Пушкинские чтения. 2015. № XX.
12. Карпачева Т. С. «Высочил шутом на всю Европу»: особенности изображения лорда Редстока в творчестве Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и В. П. Мещерского // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2. № 3.
13. Карпачева Т. С. Образ лорда Редстока в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и в романе В. П. Мещерского «Лорд-апостол в большом петербургском свете» // Достоевский и современность. 2016. Т. 30.
14. Карпук Д. А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2.
15. Каширина В. В. «Великосветский раскол» в оценке русских светских и духовных писателей XIX века // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2015. № 7 (152).
16. Коррадо Ш. Философия служения полковника Пашкова. СПб., 2005.
17. Лесков в суворинском «Новом времени» (1876–1880) / Вступ. статья, публ. и комм. О. Е. Майоровой // Лит. наследство. 2000. Т. 101: В 2 кн. Кн. 2.
18. Ливен С. Духовное пробуждение в России. Чикаго, 1986.
19. Любомудров А. М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4.
20. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015 (сер. «Historia Rossica»).
21. Никитин Ф. Н. В. А. Пашков (1831–1902): жизнь и служение. Корнталь, 2020.
22. Никитин Ф. Н. Движение пашковцев как феномен в религиозной жизни высшего петербургского общества второй половины XIX века // TERRA Incognita. 2019. № 3.
23. Никитин Ф. Н. Переписка В. А. Пашкова с протоиереем И. Л. Янышевым // Богомыслие. 2018. № 23.
24. Никитин Ф. Н. Религиозная и социальная деятельность В. А. Пашкова в Петербурге // Russian Colonial Studies. 2019. № 2.
25. Никулин М. В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х годов). М., 2006.
26. Олихов Д. В., прот. Эволюция и тенденции развития церковно-государственных отношений в России в дореволюционный период // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2019. № 1 (6).
27. Пантин В. Светская литература с позиции духовной критики (современные проблемы) // Христианство и русская литература. СПб., 1999. Сб. 3.
28. Пузынин А. Традиция евангельских христиан. Изучение самоидентификации и богословия от момента ее зарождения до наших дней. М., 2010.
29. Раздъяконов В. Знаки иного мира. Русское спиритуалистическое движение второй половины XIX — начала XX века. М., 2024 (сер. «Studia religiosa»).
30. Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.
31. Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России: В 2 т. Рязань, 2011. Т. 1.
32. Скарборо Д. Социальное евангелие в России. Православное пастырское движение в условиях голода, войны и революции. Введение // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2.
33. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собр. писем. М., 2000. Т. 1. Вып. II.
34. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 19.
35. Фаунтин Д. Лорд Редсток и духовное пробуждение в России. Минск, 2001.
36. Флоровский Г. Пути русского богословия. Paris, 1981.
37. Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиографический указатель. 1800–2000. СПб., 2002.
38. Freeze G. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.
39. Heier E. Religious schism in the Russian aristocracy 1860–1900: Radstockism and Pashkovism. Hague, 1970.

40. Jones M. V. A Note on Mr J. G. Blissmer and the Society for the Encouragement of Spiritual and Ethical Reading // *The Slavonic and East European Review*. 1975. Vol. 53. № 130.
41. Knapp L. «Anna Karenina» and Others: Tolstoy's Labyrinth of Plots. Madison, 2016.

References

1. Balakshina Iu. V. Religii i literatura: aspekty vzaimodeistviia (na materiale russkoi literatury XIX veka) // *Vestnik Sviato-Filaretovskogo in-ta*. 2014. № 9.
2. Dolbilov M. D. «Anna Karenina» i 1876 god. Ot «utonchennoi vostorzhenosti» k «neposredstvennomu chuvstvu» // *Russkii realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie*. M., 2020.
3. Dolbilov M. D. Zhizn' tvorimogo romana: ot avanteksta k kontekstu «Anny Kareninoi». M., 2023 (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauch. pril. Vyp. 254).
4. Dostoevskii F. M. Dnevnik pisatel'ia: V 2 t. M., 2011. T. 1.
5. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1990. T. 30. Kn. 2.
6. Fauntin D. Lord Redstok i dukhovnoe probuzhdenie v Rossii. Minsk, 2001.
7. Florovskii G. Puti russkogo bogosloviia. Paris, 1981.
8. Freeze G. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.
9. Gribov N. [Pis'mo izdatel'iam] // *Veche* (Miunkhen). 1999. № 64.
10. Heier E. Religious schism in the Russian aristocracy 1860–1900: Radstockism and Pashkovism. Hague, 1970.
11. Il'inskaia T. B. Russkoe raznoverie v tvorchestve N. S. Leskova. SPb., 2010.
12. Ipatova S. A. Dostoevskii, Leskov i Iu. D. Zasetkaia: Spor o redstokizme (Pis'ma Iu. D. Zasetkoi k Dostoevskomu) // *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. SPb., 2001. T. 16.
13. Ipatova S. A. N. S. Leskov o lorde Redstoke, ego verouchenii i «velikosvet'skom raskole» // *Pushkinskie chteniia*. 2015. № XX.
14. Jones M. V. A Note on Mr J. G. Blissmer and the Society for the Encouragement of Spiritual and Ethical Reading // *The Slavonic and East European Review*. 1975. Vol. 53. № 130.
15. Karpacheva T. S. «Vyskochil shutom na vsiu Evropu»: osobennosti izobrazheniia lorda Redstoka v tvorchestve F. M. Dostoevskogo, N. S. Leskova i V. P. Meshcherskogo // *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniia*. 2016. T. 2. № 3.
16. Karpacheva T. S. Obraz lorda Redstoka v «Dnevnikе pisatel'ia» F. M. Dostoevskogo i v romane V. P. Meshcherskogo «Lord-apostol v bol'shom peterburgskom svete» // *Dostoevskii i sovremennost'*. 2016. T. 30.
17. Karpuk D. A. Dukhovnaia tsenzura v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam fonda Sankt-Peterburgskogo dukhovnogo tsenzurnogo komiteta) // *Khristianskoe chtenie*. 2015. № 2.
18. Kashirina V. V. «Velikosvet'skii raskol» v otsenke russkikh svetskikh i dukhovnykh pisatelei XIX veka // *Uchen. zap. Petrozavodskogo gos. un-ta*. 2015. № 7 (152).
19. Khristianstvo i novaia russkaia literatura XVIII–XX vekov: Bibliograficheskii ukazatel'. 1800–2000. SPb., 2002.
20. Knapp L. «Anna Karenina» and Others: Tolstoy's Labyrinth of Plots. Madison, 2016.
21. Korrado Sh. Filosofii sluzheniia polkovnika Pashkova. SPb., 2005.
22. Leskov v suvorinskom «Novom vremeni» (1876–1880) / *Vstup. stat'ia, publ. i komm.* O. E. Maiorovoi // *Lit. nasledstvo*. 2000. T. 101: V 2 kn. Kn. 2.
23. Liubomudrov A. M. Tserkovnost' kak kriterii kul'tury // *Khristianstvo i russkaia literatura*. SPb., 2002. Sb. 4.
24. Liven S. Dukhovnoe probuzhdenie v Rossii. Chikago, 1986.
25. Manchester L. Popovich i miru: dukhovenstvo, intelligentsiia i stanovlenie sovremennogo samosoznaniia v Rossii. M., 2015 (ser. «Historia Rossica»).
26. Nikitin F. N. Dvizhenie pashkovtsev kak fenomen v religioznoi zhizni vysshego peterburgskogo obshchestva vtoroi poloviny XIX veka // *TERRA Incognita*. 2019. № 3.
27. Nikitin F. N. Perepiska V. A. Pashkova s protoiereem I. L. Ianyshyevym // *Bogomyslie*. 2018. № 23.
28. Nikitin F. N. Religioznaia i sotsial'naia deiatel'nost' V. A. Pashkova v Peterburge // *Russian Colonial Studies*. 2019. № 2.
29. Nikitin F. N. V. A. Pashkov (1831–1902): zhizn' i sluzhenie. Korntal', 2020.
30. Nikulin M. V. Pravoslavnaia tserkov' v obshchestvennoi zhizni Rossii (konets 1850-kh — konets 1870-kh godov). M., 2006.
31. Olikhov D. V., prot. Evoliutsiia i tendentsii razvitiia tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii v Rossii v dorevoliutsionnyi period // *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*. 2019. № 1 (6).
32. Pantin V. Svet'skaia literatura s pozitsii dukhovnoi kritiki (sovremennye problemy) // *Khristianstvo i russkaia literatura*. SPb., 1999. Sb. 3.

33. *Puzynin A.* Traditsiia evangel'skikh khristian. Izuchenie samoidentifikatsii i bogosloviia ot momenta ee zarozhdeniia do nashikh dnei. M., 2010.
34. *Razd'iakonov V.* Znaki inogo mira. Russkoe spiritualisticheskoe dvizhenie vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka. M., 2024 (ser. «Studia religiosa»).
35. *Rimskii S. V.* Rossiiskaia tserkov' v epokhu velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov). M., 1999.
36. *Rostislavov D. I.* O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve v Rossii: V 2 t. Riazan', 2011. T. 1.
37. *Skarboro D.* Sotsial'noe evangelie v Rossii. Pravoslavnoe pastyrskoe dvizhenie v usloviakh goloda, voiny i revoliutsii. Vvedenie // Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2019. T. 37. № 1–2.
38. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1935. T. 19.
39. Tvoreniia izhe vo sviatykh ottsa nashego Feofana Zatvornika: Sobr. pisem. M., 2000. T. 1. Vyp. II.
40. *Virolainen M. N.* Istoricheskie metamorfozy russkoi slovesnosti. SPb., 2007.
41. *Zhirmunskii V. M.* Nemetskii romantizm i sovremennaia mistika. SPb., 1996.

Елена Александровна Глуховская

доцент школы искусств и культурного наследия
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Elena Aleksandrovna Glukhovskaia

Associate Professor, School of Arts and Cultural Heritage,
European University at St. Petersburg

ORCID: 0000-0002-0602-9088

e.a.glukhovskaya@gmail.com

ПОЭЗИЯ М. С. ШАГИНЯНА В ОЦЕНКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ 1900–1920-х ГОДОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

M. S. SHAGINYAN'S POETRY AS ASSESSED BY THE LITERARY CRITICS (1900–1920s): SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS

Статья посвящена дореволюционной поэзии М. С. Шагинян. Книги «Первые встречи» (1909) и «Orientalia» (1913–1922) рассматриваются в социокультурном контексте эпохи, прослеживаются, как социальные характеристики автора (гендерная и национальная принадлежность) становятся определяющими в оценке критиков и как эти оценки меняются под влиянием политических и идеологических факторов.

Ключевые слова: М. С. Шагинян, русский символизм, ориентализм, женская поэзия, литературная критика, социокультурный контекст.

This article examines M. S. Shaginyan's pre-Revolutionary poetry. Her books *First Meetings* (1909) and *Orientalia* (1913–1922) are considered in their sociocultural context, tracing the paramount importance of the gender and nationality of the author for the books' reception and the evolution of this reception under the influence of political and ideological factors.

Key words: M. S. Shaginyan, Russian Symbolism, Orientalism, women's poetry, literary criticism, sociocultural context.

Список литературы

1. *Воронцова Е. Е.* Региональная газета «Приазовский край» (1891–1917 гг.): историко-типологическое исследование. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 1994.
2. *Глуховская Е. А.* «Милые вмешательства в распорядок „Мусажета“» Мариэтты Шагинян // Литературный факт. 2018. № 9.